

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР 18+

ФИОНА МАРУХНИЧ

A movie poster featuring three characters: a man with dark, wavy hair and a light beard, a woman with long blonde hair, and a young child with curly brown hair. They are all looking directly at the camera with serious expressions. The background is dark and moody, with some light reflecting off the characters' hair and clothing. The title is written in large, bold, white and red letters at the bottom.

ЦЕНА ИСКУПЛЕНИЯ  
НЕТ СМЫСЛА  
УМОЛЯТЬ

# **Фиона Марухнич**

## **Нет смысла умолять: Цена искупления**

*<https://litres.ru/74213752>*

### **Аннотация**

Диана, выросшая в детском доме, познала лишь одиночество и умение выживать. Она и не подозревала о существовании сестры-близнеца Карины, купающейся в роскоши и любви приемного отца - влиятельного политика. Но судьба распорядилась иначе, бросив Диану в самое пекло. Похищенная безжалостным лидером преступной группировки, жаждущим мести отцу Карины, Диана оказалась в плену. Ее приняли за избалованную наследницу и теперь намерены сломить, превратив в орудие мести. Но настоящая Диана - не та хрупкая кукла, которую рассчитывал увидеть враг. В плену, сломленная и униженная, она носит под сердцем ребенка от своего мучителя. Ненависть и влечение переплелись в её душе, создавая невыносимую пытку. А он... Он одержим ею, видя в Диане не только инструмент, но и что-то большее. Сможет ли Диана, оказавшись в порочном круге ненависти и зависимости, разорвать его? Или ей суждено навсегда остаться в плену у человека, который одновременно вызывает в ней отвращение и необъяснимое притяжение?

Герой - одержимый, жестокий (Red flag) Героиня - сильная личность, травмирована прошлым, травмирована героем. Маленький ребёнок - невинная душа, символ надежды и возможного искупления. Присутствуют сцены насилия: психологического, физического, читайте с осторожностью!

Оставляйте лайки и комментарии, это меня вдохновляет на новые работы ♥#♥#♥#Эта книга - продолжение. Если вы не читали первую часть, то пропустите важную предысторию и можете упустить ключевые моменты. Ссылка на первую часть:

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 61                          | 5  |
| Глава 1                           | 18 |
| Глава 62                          | 30 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 39 |

## Глава 61

Диана нежно сжала руку Максима, чувствуя, как он волнуется. Вика, казалось, застыла во времени, разглядывая его с тем же настороженным любопытством.

Взгляд ребёнка упал на протянутую руку Максима, всё ещё рассматривая его с опаской и недоверием. Но всё же, любопытство пересилило, и она наклонила головку и, как бы невзначай, дотронулась до своих кудрявых волос, рассматривая их и словно сравнивая с незнакомым мужчиной, который сидел прямо перед ней на одном колене, с протянутой рукой. А потом... потом малышка указала пальчиком на волосы Максима, такие же тёмно-каштановые и кудрявые, как и её собственные, будто подмечая сходство.

— Ма-ма... — пролепетала она, и, собравшись с духом, протянула руку в его сторону и робко, с опаской притронулась к его волосам, как будто проверяя, настоящий ли он. И тут же отбежала, прячась за мамину ногу.

Диана и Максим улыбнулись, переглядываясь между собой. В глазах Дианы плескалась нежность и надежда, а Максим чувствовал, как его сердце наполняется необъятной любовью к этому маленькому существу.

— Да, малышка, — прошептала Диана, притягивая Вику к себе. — Твои волосы такие же, как и у твоего папы...

Маленькая Вика нахмурилась, словно переваривая эту

информацию. Она снова посмотрела на Максима, пытаясь понять, что это значит. Затем, набравшись смелости, она подошла к нему совсем близко и заглянула ему в глаза... при этом с удивлением охая, как маленькая старушка. Её гетерохромные глаза внимательно изучали его лицо, отмечая каждую морщинку, каждую родинку.

Максим улыбнулся, давая ей возможность рассмотреть себя, заглянуть в свои глаза, всё ещё держа руку протянутой к ней, давая ей возможность самой дотронуться до него. Он видел в её взгляде отражение себя, отражение Дианы, отражение всей их запутанной и сложной истории.

И вот, малышка совсем осмелела и, схватив его за палец, потянула на себя. Максим усмехнулся, вскинув бровь, и посмотрел на Диану вопросительно.

— Пошли... — прошептала Диана с нежной улыбкой. — Она хочет тебе кое-что показать.

Максим перевёл взгляд на Вику, в глазах которой уже не было и следа прежней настороженности, а лишь предвкушение и детская непосредственность.

«Куда же ты меня поведешь, моя маленькая принцесса?» — мысленно спросил он.

— Конечно, пойдём, — ответил он ей вслух, и прежде чем встать с колен, притянул Диану за плечи, легонько коснувшись губами её макушки. Диана выдохнула, чувствуя тепло его прикосновений. Этот простой жест наполнил её сердце надеждой и тихой радостью.

Вика решительно повела их в комнату с большим зеркалом. Забравшись с усилием на небольшую скамеечку, она, предельно серьёзная, указала сначала на свои глаза в отражении, а затем на глаза Максима.

— Акие... — произнесла она невнятно, словно констатируя факт.

Максим тихо усмехнулся, присаживаясь рядом с Викой.

— Да, моя хорошая, — проговорил он, — глазки у нас одинаковые.

После того, как Вика признала "акие" в глазах Максима, лёд между ними окончательно растаял. Напряжение, висевшее в воздухе, сменилось звонким детским смехом, заполнившим весь дом. Максим, словно захлёстнутый волной отцовской любви, забыл обо всех своих заботах и тревогах, погрузившись в мир игр и детской непосредственности.

Сначала они строили башни из кубиков, которые Вика с упоением разрушала, залиvisto хохоча каждый раз, когда сооружение рушилось под её маленькими ручками. Максим, с радостью, помогал возводить новые башни, а Диана, присев рядом, снимала всё на телефон, чтобы сохранить эти драгоценные моменты навсегда.

Потом была игра в прятки, во время которой Вика, спрятавшись за диваном, смешно высовывала свои кудряшки, выдавая своё местоположение. Максим делал вид, что ничего не замечает, чтобы продлить удовольствие малышки. Диана присоединилась к ним, превратив игру в настоящее при-

ключение, наполненное смехом и радостными криками.

Вика, увлеченно показывала Максиму свои сокровища: плюшевого мишку с оторванным ухом, любимую погремушку и даже свою обувь – маленькие розовые сандалики, которые она пыталась надеть на огромные руки Максима.

Время летело незаметно, и к вечеру все трое почувствовали приятную усталость. Вика, после активных игр, начала зевать и капризничать. Диана заботливо принесла ей тёплую ванночку, в которой малышка с удовольствием плескалась, разбрызгивая воду во все стороны. Максим, наблюдая за ними, чувствовал, как его сердце наполняется теплом и умиротворением.

После ванны Вика надела свою любимую пижамку с забавными совятами и окончательно успокоилась. Диана унесла её в гостиную, где Максим уже ждал их с мягким пледом. Они устроились на большом диване, и Диана начала читать Вике её любимую сказку про трёх медведей.

Вскоре, утомившись, Вика прижалась к Максиму, положив свою головку ему на плечо. Он нежно обнял её, чувствуя тепло маленького тельца, и продолжал слушать сказку, которую читала Диана.

Под убаюкивающий голос Дианы, Максим и сам не заметил, как провалился в сон. Рука, обнимавшая Вику, расслабилась, и он, склонив голову, тихо засопел рядом с ней. Диана, дочитав сказку до конца, аккуратно закрыла книгу и посмотрела на спящих рядом Максима и Вику. На её лице рас-

цвела нежная улыбка. Они выглядели такими безмятежными и счастливыми в этот момент.

— Мaaaкс, — тихо позвала Диана, стараясь не разбудить Вику. — Проснись... Вику нужно перенести в её кроватку.

Максим сонно заморгал, недоумевая, как он мог заснуть. Посмотрев на дочь, которая посапывала в его руках, он нежно улыбнулся и прошептал:

— У тебя такой приятный голос, что я уснул...

Максим аккуратно повернулся на диване, и осторожно подхватил Вику на руки, стараясь не потревожить её сон. Диана повела вперёд, тихонько направляя его к детской комнате. Проходя мимо гостиной, взгляд Максима невольно зацепился за Виктора, развалившегося на диване. Его обычно лукавое и циничное лицо сейчас выражало безмятежность. Уголок губ Максима тронула усмешка.

«Кажется, и для нашего циника тихий час настал,» — подумал он с теплом.

В детской Диана уже отогнула одеяло на маленькой кроватке, украшенной изображениями сказочных единорогов. Максим бережно опустил Вику на мягкую подушку. Малышка сладко засопела, не просыпаясь. Диана накрыла её одеялом и поправила выбившуюся прядь волос, нежно коснувшись щёчки.

Выйдя из комнаты, Максим повернулся к Диане, и в его глазах читалось столько невысказанных чувств, столько тоски и надежды, что у Дианы перехватило дыхание. Он провёл

рукой по её щеке, нежно оглаживая кожу большим пальцем.

— Я так скучал по тебе, ты не представляешь, — выдохнул он, притягивая Диану ближе к себе. Его голос был хриплым от сдерживаемых эмоций.

— Я тоже, Макс, безумно, — прошептала Диана в ответ, утопая в его взгляде. Все слова казались лишними, ненужными в этот момент. Важно было лишь то, что они снова рядом, что снова могут чувствовать тепло друг друга.

Тревога, до этого скрытая глубоко внутри, вдруг прорвалась наружу.

— После меня... у тебя был... — начал Максим, его голос звучал с нарастающим напряжением.

— Нет... только ты... — прошептала Диана, её глаза наполнились искренностью.

Максим усмехнулся, и в его глазах вспыхнул дикий, первобытный огонь собственника.

— Хорошая девочка, — прошептал он, и впился в её губы в глубоком, жадном поцелуе. Это был поцелуй отчаяния, поцелуй искупления, поцелуй долгожданного воссоединения. Его язык проникал в её рот, словно покоряя её заново, напоминая себе и ей, насколько сладкими были её губы, насколько сильно он желал её. Он целовал её так, словно боялся, что она снова исчезнет, оставив его одного в этой бездне тоски.

Диана отвечала на его поцелуй со всей страстью, на которую была способна. Она обвила руками его шею, притягивая его ещё ближе, чувствуя его запах, его тепло, его силу. Она

жадно вдыхала его аромат, желая запомнить его навсегда. В этом поцелуе было всё: и нежность, и страсть, и отчаяние, и надежда.

Они не заметили, как оказались в спальне Дианы. Всё происходило как в тумане, в каком-то безумии, где главным было лишь одно – быть вместе, стать одним целым. На ходу Максим снял с Дианы платье, обнажая её полную грудь, бедра, осыпая их нежными поцелуями. Его руки дрожали от желания, от нетерпения. Не дожидаясь, пока Диана снимет трусики, он сорвал их с неё быстрым движением, разрывая тонкую ткань.

— Дикий... — прохрипела Диана, пытаясь отдышаться. Она смотрела на него снизу вверх, с обожанием и восхищением.

— Одержимый... — выдохнул Максим и снова прижался к её губам, вызывая у обоих стон от предвкушения. Его руки блуждали по её телу, лаская каждый изгиб, каждый сантиметр её кожи.

Охваченная нетерпением, Диана принялась освобождать Максима от одежды. Футболка полетела в угол комнаты, её пальцы дрожали, когда она коснулась его ремня, расстёгивая его сбивчиво. И вот уже последовали брюки-карго, обнажая его сильное, тренированное тело. Затем её ладони скользнули вниз, касаясь его возбуждённого члена сквозь ткань боксеров.

Максим задохнулся от удовольствия, его дыхание уча-

стилось. Он запрокинул голову, закрыв глаза, позволяя ей полностью насладиться моментом. Когда последнее препятствие пало, и она освободила его от ткани – горячий, пульсирующий член предстал перед ней во всей красе. Она нежно, но уверенно обхватила его руками, двигаясь вверх и вниз.

Из гортани Максима вырвался болезненный стон.

— Чёрт, я не могу ждать...

С этими словами Максим подхватил Диану под бедра, поднимая её в воздух и обвивая её ноги вокруг своей талии. Завалившись на кровать, он подмял её тело под себя, не разрывая их поцелуй. Диана ахнула от неожиданности, но тут же приспособилась, позволяя ему устроиться удобнее, предоставляя полный доступ в своё тело. Она чувствовала его вес на себе, его возбуждение, его нетерпение.

— Я надеюсь... ты готова, — прошептал Максим, его голос звучал хрипло и прерывисто.

Рука скользнула по её бёдрам, направляясь к промежности. Пальцы нежно коснулись её влажной ложбинки, вызывая у неё вздох предвкушения. Он медленно провёл пальцем по её клитору, заставляя её извиваться под ним. И вот уже его два пальца вошли в её влагалище, чувствуя, насколько она влажная, горячая, готовая принять его.

— Всё... я... не могу, — прорычал Максим, теряя остатки самообладания.

Приподнявшись над ней, он одним быстрым и точным движением вошёл в неё, чувствуя, как стенки её влагалища

сжимают его с невероятной силой. Оба застонали от нахлынувшего удовольствия. Мир вокруг перестал существовать, остались только они, их тела, их страсть. Он начал двигаться, медленно и глубоко, заставляя Диану извиваться и стонать от наслаждения.

С каждым толчком движения его бёдер становились всё напористее, неистовее, заставляя Диану издавать прерывистые крики, смешанные с рыданиями наслаждения. С каждым толчком он словно выбивал из неё остатки разума, оставляя лишь первобытную чувственность. Он приподнимал её ягодицы, проникая всё глубже, всё сильнее, с оглушительными ударами вбиваясь в её тело. Её ноги обвили его талию, притягивая его ещё ближе, в самую глубину её существа.

— Чёрт... я... — Максим резко остановился, тяжело дыша, его грудь судорожно вздымалась.

Он чувствовал её тело, её манящее, обволакивающее тепло, которое просто взывало к нему, требовало полного единения. Ему до боли захотелось закончить, излиться в неё, как раньше, оставить в ней частичку себя, навсегда связав их вместе... но он хотел взаимности, хотел знать, что она тоже жаждет этого, что она готова к последствиям.

Диана приподняла бёдра навстречу, инстинктивно пытаясь продолжить движения, она чувствовала, как волна наслаждения нарастает внутри неё, как ещё чуть-чуть, и она взорвётся, кончит, растворится в этой близости, в этом безум-

ном единении.

— Постой, Боже, Диана... постой... — прохрипел Максим, его голос был полон сдерживаемой страсти.

Его пальцы впились в её бедра, пригвождая к матрасу, удерживая её от дальнейших движений. Тело горело, в венах бушевал огонь, но он прилагал невероятные усилия, чтобы обуздать свою страсть.

— Почему? Макс... пожалуйста... прошу... — чуть ли не хныкая прошептала Диана, извиваясь под ним, пыталась вырваться из его хватки, словно была готова на всё, лишь бы он продолжил. Она готова была отдать ему себя целиком и полностью, передать себя в его власть.

Максим сделал короткий толчок, входя в неё до упора, вызывая у обоих болезненный стон, который эхом отразился в комнате. Он пригвоздил её к кровати, не давая двигаться, словно опасаясь, что она сбежит.

— Если я продолжу сейчас, то ещё минута, и я кончу в тебя, понимаешь? Я не хочу заставлять тебя снова... это должно быть твоим желанием тоже... ты ведь понимаешь, что ты снова забеременеешь? — усмехнулся Максим, но в этой усмешке сквозила нежность и надежда.

Его глаза неотрывно следили за ней улавливая каждое изменение в её взгляде. Он очень надеялся... что это желание взаимно, что она тоже готова к этому шагу, к этой ответственности, к этой новой жизни. Он хотел этого ребёнка, хотел, чтобы их связь стала ещё крепче, но он ни за что не хо-

тел, чтобы Диана чувствовала, что её принуждают к этому. Это должно быть их общим решением, их общим желанием.

Диана обхватила его лицо ладонями, её пальцы нежно скользили по его щекам, и прошептала, глядя прямо в его потемневшие от страсти глаза:

— Да, Макс, да... я хочу...

Эти слова стали последней каплей, сорвавшей все предохранители. Максим издал утробный рык, в котором сплелись похоть и облегчение, и его губы накрыли её губы в неистовом, всепоглощающем поцелуе. Он вгрызался в её рот, лаская языком каждый миллиметр, словно стремясь утолить многолетнюю жажду. Его язык хозяйничал в её рту, сплетаясь с её собственным, а его руки, опустившись на ягодицы любимой, крепко сжали, притягивая её ещё ближе.

Он продолжил толкаться в ней, ещё сильнее, ещё глубже, заставляя обоих вздрагивать от предвкушения высшей точки наслаждения. Движения стали рваными, безумными, отчаянными. Он двигался, как зверь, захваченный страстью. Диана отвечала на его толчки с такой же яростью, поднимая навстречу бёдра, сжимая пальцами его плечи, царапая кожу.

Не прошло и минуты, как Максим ощутил, как мышцы Дианы сжимаются вокруг него с неистовой силой, вызывая короткий, болезненный стон удовольствия. Она выкрикнула его имя ему в губы, продолжая целовать его, и в этом стоне, в этом имени, звучала вся её любовь, вся её преданность, вся её готовность быть с ним до конца.

И он больше не стал сдерживаться. Он сделал последний, отчаянный толчок, вбиваясь в неё до упора, вдавливая со всей силы в матрас, словно стремясь слиться с ней воедино, раствориться в её объятиях, исчезнуть, оставив только их, их страсть, их любовь. И его сперма изверглась в неё, заполняя её влагалище тёплым, пульсирующим потоком.

Диана застонала вновь, чувствуя знакомое, щекотное ощущение внутри себя. Её тело накрыла волна блаженства, настолько сильная, что она потеряла ориентацию в пространстве. Казалось, она парила в невесомости где были только они вдвоём.

Задыхаясь от наслаждения, Максим обмяк на Диане, прижимая её к себе, словно боялся, что она исчезнет. Его сердце бешено колотилось в груди, а дыхание было прерывистым и неровным. Он чувствовал каждую клетку её тела, каждый изгиб, каждый сантиметр её кожи. И в этот момент он знал наверняка, что она – его всё, его воздух, его жизнь.

Пролежав так несколько минут, они постепенно пришли в себя. Дыхание выровнялось, сердцебиение успокоилось. Он поднял голову и посмотрел на Диану. Она улыбалась ему нежной, любящей улыбкой. Её глаза сияли от счастья.

— Я люблю тебя, Макс, — прошептала она, проведя рукой по его волосам.

— А я люблю тебя, Диана. Больше жизни, — ответил он, прижимаясь губами к её лбу. — Спасибо тебе... за всё.

Он приподнялся на локтях, рассматривая её лицо, такое

родное и любимое. Его пальцы нежно прошлись по её щеке, по её губам, с тех пор, как он в последний раз так близко видел её лицо, казалось прошла вечность.

— Ты уверена? Насчёт ребёнка? — спросил он, с тревогой и надеждой глядя в её глаза.

Диана кивнула, не отрывая взгляда от его лица.

— Да, Макс. Абсолютно уверена. Я хочу этого ребёнка...

Максим облегчённо выдохнул, и в его глазах вспыхнул озорной огонёк. На губах заиграла лукавая улыбка.

— Тогда давай продолжим? — прошептал он, склоняясь к её уху.

Диана вздрогнула от его слов, и по телу пробежала волна мурашек. Она почувствовала, как его член, только недавно утихший, снова набирает силу, и её собственное тело отреагировало мгновенно, проснувшись с новой волной желания. Она прикрыла глаза, наслаждаясь ощущением его близости, его тепла, его мужской силы.

— Ты не устал? — прошептала она, чувствуя, как её щёки заливают краской.

Её вопрос прозвучал скорее как просьба, как мольба о том, чтобы он не останавливался.

Максим слегка приподнялся и посмотрел на неё сверху вниз. В его взгляде читалось обожание и нежность.

— Устал? Я только начал, — прошептал он в ответ, и его губы накрыли её губы в жадном, дразнящем поцелуе.

# Глава 1

Ротвейлер видел её ненависть. Она обжигала его изнутри. Он видел, как она не хочет его ребёнка. Он знал, что она смотрит на него, как на чудовище, как на воплощение зла. Но он не мог иначе. Привязать её к себе, сделать своей, зачать с ней этого ребёнка стало его одержимостью. Не только мстью за смерть брата, но и... чем-то большим. Он хотел её. Хотел не только тело, но и душу. Он хотел, чтобы она смотрела на него с любовью, а не с ненавистью.

И сейчас... видя её ненависть, его сердце ушло в пятки... Он, привыкший к власти и повиновению, вдруг ощутил, как внутри него что-то ломается. Он понимал, что завоевать сердце Дианы будет не просто, особенно после всего, что он с ней сделал. Но он не думал никогда, что ему самому от этого станет так... больно? Давно ли он чувствовал душевную боль? Он - наркобарон, безжалостный убийца, по чьей вине погибли сотни людей, вдруг... захотел любви от дочери врага. Он сам себя не узнавал, но это было так, горькой правдой. И эта правда разрывала его изнутри. Он понимал, что заставил её страдать, и это знание было невыносимым. Но он не мог отступить. Он уже слишком далеко зашёл. Он должен был добиться своего, чего бы ему это ни стоило. Даже если это будет стоить ему его собственной души.

Диана дрожала. Он видел, как мелко вздрагивают её пле-

чи, как отвращение искажает её лицо. Её взгляд был прикован к тестам с двумя полосками, которые он держал в руках, словно трофей. Губы её подрагивали, пытаясь вымолвить хоть слово. Она была бледна, как полотно, и выглядела такой хрупкой, что Ротвейлеру на мгновение захотелось защитить её от всего мира, даже от самого себя. Но он быстро отбросил эту мысль. Защищать? После всего, что он с ней сделал? Это было смешно.

Он смотрел на неё в ответ, стараясь скрыть свои истинные чувства за маской непроницаемости. Он не хотел, чтобы она увидела его слабость, его зависимость от неё, его маниакальную одержимость ею, хотя и понимал, что она и так об этом догадывается. Он чувствовал, как её ненависть проникает в него ледяными иглами. Он хотел, чтобы она боялась его, уважала, любила, в конце концов, но не ненавидела. Но он понимал, что любовь и ненависть - это две стороны одной медали. И он выбрал ненависть. Или она выбрала её для него?

Диана наконец пришла в себя и тихо прошептала, словно боясь нарушить тишину:

— Может... это какая-то ошибка, и я... не беременна?

Взгляд его помрачнел. Внутри него поднялась волна ярости, смешанная со страхом. Он хотел, отчаянно хотел её беременности. Он поклялся, что она будет только его, и теперь... она будет носить его ребёнка. Его кровь. Его продолжение. Это было его правом, его долгом, его мстью.

— Диана, — его голос был хриплым и напряжённым, — ты беременна, от меня. В тебе будет расти мой ребёнок, мой, Диана... это... подтверждено.

Диана отчаянно замотала головой, пытаясь отгородиться от его слов. В её глазах, полных отчаяния, заблестели слёзы, обжигая кожу. Она смотрела на Ротвейлера, на этого человека, превратившего её жизнь в кошмар, и прошептала, с трудом разлепляя пересохшие губы:

— Отпусти меня... пожалуйста...

Слова давались ей с огромным трудом, словно каждое из них вырывалось из самой глубины измученной души.

— Я уйду, и ты больше никогда меня не увидишь... Ты же знаешь, что я не Карина, а твоего врага... этого политика... что убил твоего брата... я даже не знаю! — Голос Дианы сорвался на всхлип, а по щекам потекли дорожки слез. — И ты знаешь это... Хватит мстить... прошу... просто отпусти, зачем я тебе?

С каждым словом в её голосе звучало всё больше мольбы, надежды, смешанной с безысходностью. Она готова была на всё, лишь бы вырваться из этой золотой клетки, где её держали в заложниках ненависти и одержимости.

Ротвейлер снова помрачнел. Его взгляд стал жёстче, непроницаемее. Как он мог её отпустить... если он отчаянно нуждался в ней? Да, он схватил не ту дочь, ошибся с мстью, но он... привязался. Это чувство, незнакомое и пугающее, проросло в его сердце, как сорняк, пустив глубокие корни.

Как он может отпустить Диану и своего ребёнка? Да это просто невозможно... Он никогда не отпустит свою женщину, тем более, он уже заявил на неё свои права, и не собирался останавливаться, нет. Если он её отпустит... то единственный луч света покинет эти стены и его душу. Может... это было слишком эгоистично... но он нуждался в ней... отчаянно нуждался.

Он молчал, собираясь с мыслями, пытаясь унять бурю, разыгравшуюся внутри. Он боролся с самим собой, с теми демонами, которые терзали его душу.

Наконец, он ответил, его голос был низким и хриплым, полным какой-то неприкрытой, болезненной искренности:

— Я не могу тебя отпустить, никогда...

Диана вздрогнула от его слов, как от удара.

— Я хочу, чтобы ты всегда была со мной... И дело не в мести, я просто хочу, чтобы ты была моей женщиной, чтобы ты была со мной... всю жизнь.

В его словах слышалась отчаянная мольба, почти умоляющий тон. Он, привыкший к повиновению и власти, сейчас словно просил её о милости. Он открывал перед ней частичку своей души, показывая ту бездну, которая зияла внутри него, и в которой он отчаянно нуждался в её свете. Но было ли это любовью, или же просто маниакальной одержимостью, желанием обладать тем, что ему не принадлежало? Он и сам не знал, и знать сейчас не хотел.

Волна ярости захлестнула Диану, не оставляя места ниче-

му, кроме жгучей, всепоглощающей ненависти. Она ненавидела его каждой клеточкой своего тела, каждой мыслью, за то, что он сотворил с ней, за то, что отнял её свободу, за то, что заставил вынашивать его ребёнка - живое напоминание о его жестокости и её собственном бессилии. Эта беременность - не победа, а клеймо, выжженное на её душе, вечный укор.

Она провела тыльной стороной ладони по щекам, стирая слёзы, и сквозь стиснутые зубы, полные презрения, процедила:

— Я превращу твою жизнь в ад. Ты ещё пожалеешь, что схватил меня тогда... Ты думаешь, что выиграл? Ничего подобного... в итоге, победителем останусь я!

В каждом слове звучала неприкрытая угроза, клятва мести, пропитанная отчаянием. Она понимала, что сейчас слаба, но в её сердце тлел огонь, который, рано или поздно, разгорится в пламя, способное испепелить его мир дотла.

С высоко поднятой головой, стараясь не выдать ни капли страха, Диана попыталась пройти мимо него, чтобы покинуть отделанную мрамором ванную и добраться до его спальни. Она помнила, что на прикроватной тумбочке он хранил целую пачку тестов на беременность - доказательство его безумной одержимости. Она хотела убедиться, что это не ошибка, что кошмар действительно реален.

Но он преградил ей путь, схватив за руку и грубо прижав к своему сильному телу. Его глаза метали молнии, в них клу-

билась ярость, смешанная с животной страстью. Он впился в неё взглядом, будто выжигая в ней дыру, и прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Ты - моя. Моя навеки, мой волчонок. И ребёнок в тебе - мой! Ты примешь это, Диана... или я заставлю!

Его хватка была железной, не позволяющей вырваться. Он словно пытался силой воли подчинить её, сломить её сопротивление. Она вспыхнула, чувствуя, как его взгляд прожигает её насквозь. От его прикосновения по коже пробежали мурашки отвращения и... этого чёртового желания, которое невозможно было ничем подавить. С её губ сорвалось проклятие, сорвалось против воли, не до конца сформировавшись.

— Да чтоб ты провали...

Он не дал словам сорваться с губ. Он впился в её губы неистовым, жадным поцелуем, сразу проникая языком в рот. Диана застонала - не то от отчаяния, не то от обжигающего желания: она сама не знала, что руководило ею в этот момент. Она ненавидела его всей душой, каждой клеточкой своего существа, но... её тело, раз за разом предавало её, отчаянно его хотело, и волна влаги, предательски выдавая её желание, уже затопила низ живота, приветствуя его вторжение, моля о его прикосновениях.

А он продолжал её целовать, не давая ей ни секунды на передышку, словно стремясь выпить её до дна. Его руки блуждали по её телу, сжимали упругие ягодицы, обжигали грудь

сквозь тонкую ткань лёгкого платья, проводили по спине, вычерчивая каждый изгиб, будто пытались запечатлеть её в памяти навечно. Он оторвался от её губ, оставив за собой след из влажных поцелуев, и стал покрывать ими лицо, будто стремясь искупить свою вину или же просто поглотить её целиком, завладеть ею без остатка.

Диана, обессиленная и запутавшаяся в противоречивых чувствах, отчаянно сопротивляясь и в то же время сдаваясь, схватилась за его шею, притягивая ближе к себе. Она снова тонула в омуте его власти, растворяясь в нём.

Покрывая её лицо короткими, прерывистыми поцелуями, обжигая горячим дыханием её кожу, он прошептал, выплёвывая слова с надрывом:

— Как ты представляешь себе брать тебя... без возможности забеременеть тебя, Диана? Рано или поздно наша связь привела бы к беременности, ты не маленькая, чтобы понимать, что секс приводит к беременности... Тем более, я этого хотел. Отчаянно хотел.

Он продолжал осыпать её лицо, шею, ключицы поцелуями, спускаясь всё ниже и ниже, будто поклоняясь каждому изгибу её тела. Диана, запрокинула голову в сладостной муке застонала, но собравшись с мыслями смогла выдать из себя:

— Ты мог бы надевать презерватив, к примеру... не обязательно было обрекать меня на роль матери твоего ребёнка... это не "награда", а проклятие...

Он оторвался от её шеи тяжело дыша, и поднял на неё свои пронзительные гетерохромные глаза.

Выгнув бровь, глядя на неё сверху вниз с тенью насмешки и нескрываемого торжества в глазах, он произнёс:

— Презерватив? Ты серьёзно говоришь об этом сейчас? Я хочу чувствовать тебя... кожей, каждой клеточкой. Я хочу... кончать в тебя... чтобы ты навсегда стала моей, не только телом, но и душой, чтобы ты носила моё дитя, частичку меня.

Диана побагровела от ярости, её глаза вспыхнули, а на щеках проступил яркий румянец. Она прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Так найди себе другую... которая будет рожать тебе детей один за другим, бесконечно... Я не согласна...

Ротвейлер усмехнулся, ещё теснее сжимая её в своих объятиях. Его взгляд, горящий нескрываемым торжеством, буравил её насквозь.

— Это невозможно, Диана.

Она впилась в него взглядом, пытаясь прорваться сквозь его броню непроницаемости.

— Почему это? В мире много женщин...

Он хмыкнул, не отрывая от неё своего пристального, изучающего взгляда.

— Да, много, Диана, но я уже нашёл свою... и это ты...

Её затопила волна ненависти и отчаяния. Он действительно её заклеил, и не хотел отпускать. Собрав в кулак остатки самообладания, она прошипела сквозь зубы:

— Ты знаешь, что такое согласие, знаешь?

Он снова посмотрел на неё сверху вниз, будто оценивая, словно взвешивая её слова на невидимых весах. В его взгляде вспыхнул хищный огонь, который заставил её вздрогнуть.

— Да, я знаю, я согласен, Диана... абсолютно...

Яростно вырвавшись из его объятий, Диана напоследок бросила ему в лицо:

— Ты просто кретин...

Развернувшись, она направилась прочь из ванной комнаты, в спальню, где на прикроватной тумбочке лежали другие тесты на беременность. Ей необходимо было убедиться наверняка правда это или нет. Её шаги были порывистыми, почти бегом. Внутри всё клокотало от ярости и бессилия. Она не могла, не хотела верить, что это правда.

Когда она добралась до прикроватной тумбочки, сердце бешено колотилось в груди готовое вырваться наружу. Дрожащими пальцами она схватила все тесты на беременность, что лежали на тумбочке, словно от этого зависела её жизнь. В груди теплилась слабая, почти угасшая надежда, что всё это - чудовищная ошибка, болезненный сон, от которого она вот-вот проснётся.

Сжимая тесты в руке, она, как приговорённая к казни, вернулась в ванную комнату. Ротвейлер неподвижно стоял, прислонившись к стене, и наблюдал за ней. В его гетерохромных глазах читалось нескрываемое торжество, граничащее с безумием. Диана чувствовала, как его взгляд прожигает её

насквозь, но старалась не обращать на него внимания. Сейчас её волновал лишь один вопрос: она действительно беременна?

Не говоря ни слова, она достала из пачки обычные тесты, те, что нужно окунать в мочу. С дрожью в руках она выполнила все необходимые процедуры, стараясь не смотреть на Ротвейлера, который, казалось, наслаждался её мучениями. Она опустила тесты на раковину и, задержав дыхание, посмотрела на результат. Один... два... три... Четыре... пять... Десять тестов, и на каждом - предательская вторая полоска, яркая и недвусмысленная.

— Проклятье... — выдохнула Диана, буравя взглядом эти злополучные полоски. Внутри неё бушевала буря, смешанная из отчаяния, ярости и бессилия.

Затем она достала струйные тесты, более современные и точные. Подняв взгляд на Ротвейлера, она с вызовом произнесла:

— И долго ты будешь наблюдать за мной?

Он усмехнулся, скрестив руки на груди и спокойно проговорил:

— Тестируй, Диана... а я посмотрю...

Она прожгла его взглядом, полным ненависти. Как же он ей надоел, этот самодовольный тиран! Ладно, она не даст ему увидеть свою слабость.

Диана задрала подол платья и, усевшись на унитаз, принялась испытывать струйные тесты. Удалось испытать всего

пять, но результат... был неизменным. На белом фоне каждого из них чётко была видна надпись: «Беременность 2-3 недели».

Мир вокруг неё поплыл. Диана почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она беременна. Это не кошмар, не ошибка, а жестокая реальность. Она носит под сердцем ребёнка от человека, которого ненавидит больше всего на свете. Её жизнь превратилась в ад, и выхода из него, казалось, не было.

***Вы выжили после первой части? Поздравляю, у вас определенно есть вкус к тёмному! ##***

*Приветствую вас во второй, **финальной** и, смею надеяться, незабываемой части нашего дарк-путешествия! ##*

*Итак, пришло время с головой окунуться в бездну одержимости Максима. Если вы думали, что он уже достиг дна, то держитесь крепче! Он только начал копать! ## (Поверьте, зрелище будет... "увлекательным").*

*В этой части мы узнаем, сможет ли Диана выжить под натиском его "любви", какую роль сыграет в их жизни ребёнок и, главное, чем закончится вся эта безумная история. ## (Спойлер: розовых пони не будет! ##**✗**)*

*Предупреждаю ещё раз, это по-прежнему **дарк-романс**, а значит, вас ждут тёмные повороты сюжета, море страсти и, возможно, несколько моментов, когда вам захочется бросить читать и заняться вышиванием крестиком. ## Но не поддавайтесь! Финал будет того стоить!*

*Поделитесь своими мыслями в комментариях! Ставьте лайки (если осмелитесь! ##), делитесь своими самыми безумными теориями и давайте вместе переживем этот эмоциональный взрыв! ##*

*Берите свои любимые напитки (что-нибудь покрепче?), устраивайтесь поудобнее и готовьтесь к финалу, который вы точно не забудете! ##*

*С любовью и лёгкой степенью сумасшествия,  
Фиона Марухнич#####*

## Глава 62

В эту ночь не было места усталости или пресыщению. Они заново открывали друг друга, познавая всё новые грани наслаждения. Поцелуи становились всё более глубокими и чувственными, прикосновения – всё более нежными и изобретательными.

Они меняли позы, экспериментировали, не стесняясь своих желаний. Она сидела сверху, властвуя над ним, чувствуя себя богиней. Он стоял на коленях, целуя её живот и бедра, вознося ей хвалу. Они обнимались, шептали друг другу слова любви, и снова сливались воедино.

Всю ночь они принадлежали только друг другу, забыв обо всем на свете. И только когда первые лучи солнца заглянули в окно, они, наконец, обессиленные, но счастливые, заснули в объятиях друг друга.

Диана проснулась от внутреннего будильника. Восемь утра – время, когда Вика обычно просыпается. Она лежала на Максиме, её тело было плотно прижато к его телу, словно они были одним целым. Каждый мускул внизу живота пульсировал приятной усталостью. Боль, напоминающая о бурной ночи, была сладостной и желанной. Как долго они не могли позволить себе такой близости? Почти два долгих года. Как два диких зверя, они жадно утоляли голод друг другом. Она чувствовала его внутри себя, словно он не хотел

расставаться с ней даже во сне.

Тихо улыбнувшись, она принялась изучать его лицо. Он посапывал во сне, его тёмные кудри растрепались на подушке, обрамляя лицо. Скулы, казалось, проступили острее, чем раньше. Он похудел, это было очевидно, и Диана знала, что виной тому – разлука. Но сейчас всё непременно вернётся на круги своя. Длинные ресницы отбрасывали тени на его скулы, его губы, как и её, были немного припухшими после бурной ночи, а на щеках – лёгкая щетина.

Диана попыталась осторожно приподняться, но его руки, повинаясь инстинкту, обхватили её со всех сторон, не позволяя двинуться. Он не желал прерывать объятия, даже во сне. Его брови недовольно сдвинулись к переносице. Эта мимика была так похожа на Викину! Сердце Дианы пропустило удар. Точнее, мимика Вики была точь-в-точь, как у Максима. Маленькая копия любимого мужчины.

— Макс... Вика скоро проснётся, — прошептала Диана, нежно касаясь его щеки.

Он снова нахмурился, брови свелись ещё ближе.

— Ещё пять минуточек, — пробормотал он, прижимая её к себе ещё крепче. Его рука скользнула ниже, сжимая её бедро, словно проверяя, на месте ли она, никуда ли она не денется. Диана почувствовала лёгкий укол возбуждения, несмотря на усталость.

Диана едва успела осознать мысль о возможном пробуждении Вики, как тихий стук в дверь прорезал утреннюю ти-

шину.

За дверью раздался голос Ирины:

— Диана, доброе утро. Малышка уже проснулась и рвётся к тебе, сможешь выйти?

Диана встрепелась, сердце забилось быстрее от неожиданности и нетерпеливого желания увидеть дочь. Она попыталась быстро подняться с Максима, каждое её движение отзывалось приятной истомой в мышцах.

Макс недовольно забурчал, как разбуженный зверь, и одним ловким движением перекинул её через себя, нависая сверху. Его гетерохромные глаза медленно открылись, всё ещё затуманенные сном, но уже полные животной страсти.

— Куда? — прохрипел он, его голос был низким и хриплым.

Диана почувствовала, как его возбуждение волной прокатилось по её телу, обжигая кожу. Чёрт, он всё ещё был внутри неё, такой же твёрдый и желанный, как и всю ночь.

— Вика... уже проснулась, Макс,пусти... — выдохнула она, пытаясь сдержать дрожь в голосе.

Максим встряхнул головой, сбрасывая с себя остатки сна. Его взгляд стал более осознанным, но всё ещё горел неутолимой жадой.

— Чёрт, мне нужно одеться... — пробормотал он, а его голос звучал с долей досады.

Он резко оторвался от Дианы, и она увидела его обнажённое, сильное тело во всей красе. Мускулы перекачивались

под кожей, в каждой линии чувствовалась мощь и уверенность. Даже несмотря на усталость, он излучал энергию и дикуую, животную силу.

Он быстро подхватил боксёры и брюки, которые Диана в порыве страсти закинула куда-то вглубь комнаты. Сама Диана тоже быстро вскочила с кровати. Щёки залились румянцем от смущения и возбуждения. Она почувствовала липкость между ног, напоминание о бурной ночи, но не обращая внимание на дискомфорт, схватила лёгкий шелковый халатик, быстро накинув на своё тело. Ткань нежно скользнула по коже, вызывая приятные мурашки.

Максим, натягивая брюки с лукавой улыбкой и блеском в глазах, наблюдал за Дианой, не в силах оторвать взгляд от её тела. На шее Дианы, на груди были видны следы от засосов, небольшие укусы, которые он оставил на ней в порыве животной страсти. Чувство полного обладания захлестнуло его с головой, как необузданная стихия. Каждая отметина была доказательством их страстной связи, напоминанием о ночи, полной любви и желания.

Застегнув наконец-то ширинку, он в один прыжок оказался возле Дианы и впился в её губы в иступлённом, жадном поцелуе. Его губы были горячими и влажными, а язык настойчиво проникал в её рот, вызывая волну удовольствия. Диана застонала от наслаждения, отвечая на его страсть, но всё-таки, собрав всю свою волю в кулак, заставила себя оторваться от него. Воздуха не хватало, а сердце бешено коло-

тилось в груди.

— Вика, — всё, что смогла выдохнуть она, и на её лице появилась нежная улыбка. Мысль о дочери заполнила её сердце теплом и любовью.

— Знаю, — усмехнулся Максим, его глаза горели желанием, — просто не могу насытиться тобой!

Он нежно провёл пальцем по её щеке, наслаждаясь мягкостью её кожи. Его прикосновение было нежным, но в то же время полным обещаний.

Наконец, в комнату вошла Вика. На её детском лице застыло явное недовольство. Маленькие бровки нахмурились, пухлые щёчки чуть надулись. Очевидно, пробуждение без мамы утром не пошло ей на пользу.

Максим, уже практически одетый, натягивал через голову футболку. Увидев недовольное личико своей маленькой копии, он невольно усмехнулся. Она была просто очаровательна! Ему до сих пор не верилось, что это его дочь, что она реальна, и что он может просто вот так стоять и смотреть на неё.

Диана опустилась на корточки, протягивая к Вике руки.

— Иди ко мне, солнышко, — ласково позвала она.

Вика продолжала хмуро смотреть на Максима, но медленно, переступая маленькими ножками, двинулась в сторону Дианы. Добравшись, она крепко обняла её, утыкаясь носом в плечо.

Ирина, тихо прикрыв дверь, вышла из комнаты.

Вдруг носик Вики сморщился, словно она почувствовала что-то неприятное. Маленькие пальчики отстранили Диану.

— Ма... фу... — пробормотала Вика, её лицо выражало крайнюю степень отвращения.

Диана смутилась. Она знала, что дети очень чувствительны к запахам. Она бросила взгляд на Максима. Он, словно понимая причину каприза дочери, самодовольно ухмылялся, наблюдая за происходящим. Щёки Дианы предательски окрасились румянцем.

«Запах секса...» — пронеслось у неё в голове.

Она была уверена, что Вика чувствует именно это, хоть и не могла выразить вслух.

— Вика чувствует твой запах на мне, — тихо сказала она, стараясь, чтобы в её голосе не прозвучало ни осуждения, ни смущения.

Максим пожал плечами, его глаза горели озорным огнём. С такой уверенностью и самодовольством, от которых у Дианы всегда подкашивались ноги, он произнёс:

— Так и должно быть... Так и будет... Всегда...

Но несмотря на это, Вика, словно преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, всё же приблизилась к Диане, крепко обнимая её за шею. Её глаза, полные детской серьёзности, неотрывно следили за Максимом, будто изучали его, сканировали каждое его движение. Ещё вчера она весело играла с ним, даже признала "акие" в его глазах, таких же гетерохромных, как и у неё самой. А сегодня, словно что-то

изменилось, она снова хмурится и смотрит с недоверием.

Максим усмехнулся, заметив её пристальный взгляд. Наклонившись, он подхватил Вику на руки, подбрасывая в воздух. Секунду назад хмурая, Вика всюду заливалась смехом, а Максим не мог насмотреться на неё. Она была очаровательна в своём детском восторге. Его дочь. Их дочь.

Наконец, он прижал её к себе крепко. Вика больше не возражала, рассматривая Максима, прикасаясь маленькими пальчиками к его лицу, к кудрявым волосам, таким же непослушным, как и у неё. Максим усмехнулся, ощущая тепло маленького тела в своих объятиях.

— Пора завтракать, — сказала Диана, с нежностью наблюдая за взаимодействием отца и дочери.

В её голосе звучала надежда на то, что оттаявший лёд недоверия между ними больше не возникнет. И вот они уже втроём, рука об руку, спустились в просторную кухню-столовую, где их ждал новый день.

Сегодня на завтрак было решено приготовить фруктовые тосты с рикоттой и мёдом – быстро, полезно и вкусно. Максим ловко орудовал ножом, нарезая сочные персики и клубнику, а Диана взбивала нежную рикотту с ложкой мёда.

Наконец, все уселись за обеденный стол. Вика вооружилась вилкой и упорно пыталась самостоятельно управиться с тостом. Диана внимательно следила за дочкой, готовая в любой момент прийти на помощь.

В этот момент на кухню вошёл Виктор. Он окинул взгля-

дом эту идиллическую картину и удивлённо присвистнул.

— Слушай, Макс, у тебя там что, встроенный принтер? — съязвил Виктор, наблюдая за тем, как сосредоточенно Вика пытается откусить кусочек тоста. — Она просто вылитая ты! Я, если честно, шокирован.

Максим усмехнулся, лукаво блеснув глазами и небрежно пожал плечами.

— Что есть, то есть, — ответил он, наблюдая как Вика, наконец, справилась с тостом и с довольным видом уплетает его за обе щеки, измазавшись рикоттой и мёдом. Диана тут же вытерла ей щёчки салфеткой.

В уютную кухню, где только начали зарождаться признаки семейной идиллии, внезапно ворвалась тревога. Дверь резко распахнулась и Иван Алексеевич, возник на пороге, окружённый вооружёнными людьми. Тихая сцена сменилась напряжённым молчанием, пропитанным опасностью.

Максим мгновенно преобразился. От самодовольной ухмылки не осталось и следа. Он стал собранным и настороженным. Его рука, сама собой, легла на кобуру, скрытую под футболкой. Взгляд, до этого полного нежной любви к дочери и Диане, стал острым и жёстким, готовым отразить любую угрозу.

— Отец... я... — прошептала Диана, её голос дрожал от ужаса.

Она была совершенно не готова к этой встрече, к столкновению двух самых важных мужчин в её жизни на столь

взрывоопасной территории. Отец... он уже узнал? Так быстро узнал, что Максим нашел их?

Виктор, оценив ситуацию, встал рядом с Максимом, готовый в любой момент выхватить оружие. Все присутствующие в кухне напряглись, воздух сгустился.

Иван Алексеевич буравил Максима взглядом, полным неприкрытой ненависти. Он смотрел на него, как на чудовище, посмевшее приблизиться к его дочери, к его семье.

И одновременно, словно сговорившись, оба, Иван Алексеевич и Максим, произнесли ледяным тоном, не терпящим возражений:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.